

Максим Горький

Пожары

Максим Алексеевич Горький

Пожары

Серия «Заметки из дневника.

Воспоминания», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=640405

Аннотация

«Тёмной ночью февраля вышел я на Ошарскую площадь – вижу: из слухового окна какого-то дома высунулся пышный, лисий хвост огня и машет в воздухе, рябом от множества крупных снежинок, – они падали на землю нехотя, медленно. Возбуждающе красив был огонь. Как будто в окно, под крышу дома, прыгнул из тепловатой, сырой тьмы красный зверь, изогнулся и грызёт что-то; был слышен сухой треск, так трещат на зубах птичьи кости. Смотрел я на эти лисьи хитрости огня и думал: «Надо стучать в окна домов, будить людей, кричать – пожар!» Но кричать и двигаться не хотелось; я стоял, очарованно наблюдая быстрый рост пламени, а на коньке крыши уже мелькали петушиные перья, верхние ветки деревьев сада золотисто порозовели, и на площади стало светлее...»

Максим Горький

Пожары

Тёмной ночью февраля вышел я на Ошарскую площадь – вижу: из слухового окна какого-то дома высунулся пышный, лисий хвост огня и машет в воздухе, рябом от множества крупных снежинок, – они падали на землю нехотя, медленно.

Возбуждающе красив был огонь. Как будто в окно, под крышу дома, прыгнул из тепловатой, сырой тьмы красный зверь, изогнулся и грызёт что-то; был слышен сухой треск, так трещат на зубах птичьи кости.

Смотрел я на эти лисьи хитрости огня и думал: «Надо стучать в окна домов, будить людей, кричать – пожар!» Но кричать и двигаться не хотелось; я стоял, очарованно наблюдая быстрый рост пламени, а на коньке крыши уже мелькали петушиные перья, верхние ветки деревьев сада золотисто-пурпуровели, и на площади стало светлее.

«Надо будить людей», – внушал я сам себе и – молча смотрел до поры, пока не заметил фигуру человека посреди площади; человек прижался к нелепой, чугунной колонне фонтана и, зрительно, был почти неотделим от неё. Я подошёл к нему. Это – Лукич, ночной сторож, кроткий старик.

– Ты что же? Свисти, буди людей!

Не отрывая глаз от огня, он сонным или пьяным голосом

ответил:

– Сейчас...

Я знал, что он не пьёт, но видел в глазах его пьяную улыбку удовольствия, и меня не удивило, когда он, вполголоса, захлёбываясь словами, начал бормотать:

– Ты гляди, как хитрит, а? Ведь что делает, гляди-ко ты! Так и жрёт, так и жрёт, ну – сила! А малое время спустя назад маленький огонёчек высунулся около трубы, с долото, не больше, и начал долбить, и пошёл козырять. До чего это интересно, пожар, ах, господи...

Он сунул в рот себе свисток и, качаясь на ногах, огласил пустынную площадь режущим уши свистом, замахал кистью руки – торопливо затрещала трещотка. Но глаза его неотрывно смотрели вверх, – там, над крышей, кружились красные и белые снежинки, скопился шапкой чёрный, тяжёлый дым.

Лукич ворчал, усмехаясь в бороду:

– Ишь ты, разбойник... Ну, давай будить людей... Давай, что ли...

Мы бегали по площади, стучали в окна и двери, завывая:

– Пожа-ар!

Я чувствовал, что действую энергично, однако – неискренно, а Лукич, постучав в окно, отбежал на середину площади и, задрвав голову вверх, кричал с явной радостью:

– Пожа-ар, э-ей!

...Велико очарование волшебной силы огня. Я много на-

блюдал, как самозабвенно поддаются люди красоте злой игры этой силы, и сам не свободен от влияния её.

Разжечь костёр – для меня всегда наслаждение, и я готов целые сутки так же ненасытно смотреть на огонь, как могу сутки, не уставая, слушать музыку.

Пожар на Суетинском съезде в Нижнем; горят дома над узкой щелью оврага; овраг, разрезав глинистую гору, круто спускается из верхней части города в нижнюю, к Волге. Пожарная команда не могла, по условиям местности, подъехать близко к пожару, машины и бочки воды стоят на съезде, внизу, шланги протянуты вверх по срезу оврага, а сверху падают вниз головы, катятся огненные брёвна. Густая толпа зрителей стоит на другой стороне съезда, оттуда пожар прекрасно виден, но несколько десятков людей спустились вниз, где их сердито ругают пожарные и где падающие по откосу брёвна легко могут переломать им ноги.

Чтоб видеть, как огонь пожирает старое дерево ветхих домов, люди должны неудобно задирать головы вверх, на лица им сыплется пепел, кожу кусают и жалят искры. Это не смущает людей, они ухают, хохочут, орут, отбегая от бревна, которое катится под ноги им, ползут на четвереньках по крутому срезу противоположной пожару стороны оврага и снова, чёрными комьями, прыгают вниз. Эта игра особенно увлекает солидного человека, в щегольском пальто, в панаме на голове и в ярко начищенных ботинках. У него – круглое,

холёное лицо, большие усы, в руке – палка с золотым набалдашником, он держит её за нижний конец, размахивает ею, как булавой, и, отбегая от бревна, падающего сверху, орёт басом:

– Ур-ра!

Зрители подзадоривают его криками, над его головою кружится, сверкая, золотой шарик палки, на полях панамы – чёрные пятна погасших угольков, чёрной змеёю развевается под его подбородком развязавшийся галстук. Но человек этот ничего не видит и, кажется, не слышит, у него цель храбреца мальчишки: подождать, пока горящее бревно подкатится вплоть к ногам людей, и отпрыгнуть от него последним. Это неизменно удаётся ему, он очень лёгок, несмотря на высокий рост и плотное тело.

Вот-вот бревно ударит его, но – ловкий прыжок назад, и опасность миновала:

– Ур-ра-а!

Он даже несколько раз прыгал вперёд, через бревно, и за это какие-то дамы, в толпе зрителей наверху, рукоплескали ему. Их много наверху, пёстро одетых женщин, некоторые стоят, раскрыв зонты, защищаясь от красного дождя искр.

Я подумал: наверное, этот человек влюблён и показывает даме своей ловкость и бесстрашие, – достоинства мужчины.

– Ур-рра-а! – кричит он. Панама его съехала на затылок, лицо побагровело, а вокруг шеи всё развевается чёрная лента галстука.

Потрясающе ухнув, заглушив криком жадный треск огня, пожарные вырвали баграми несколько брёвен сразу, и брёвна, дымясь, сверкая золотом углей, неуклюже подпрыгивая, покатались по откосу оврага. Чем ниже, тем быстрее становилось их тяжёлое движение, вот, взмахивая концами, переваливаясь одно через другое, они бьют по булыжнику мостовой.

– Ур-ра-а, – дико кричит человек в панаме и, взмахнув палкой, перепрыгивает через бревно, а конец другого лениво бьёт его по ногам, – человек, подняв руки, ныряет в землю, и тотчас же пылающий конец третьей, огромной головни тычется в бок ему, как голова огненной змеи.

Толпа зрителей гулко ахнула, трое пожарных быстро отдёрули игривого человека за ноги, подняли и понесли его куда-то, а среди горящих брёвен, на булыжнике мостовой, осталась панاما, пошевелилась, поёжилась и вдруг весело вспыхнула оранжевым огнём, вся сразу...

В 96 году в Нижнем Новгороде горел «Дом трудолюбия»; в нижнем этаже его вспыхнула пакля, огонь быстро накалил железную лестницу во второй этаж и застиг там старух-работниц. Все они, кажется более двадцати, были задушены смолистым дымом и сгорели.

Я застал уже конец пожара; провалилась крыша, в огромном, кирпичном ящике с железными Решётками на окнах буйно кипел и фыркал огонь, извергая густейший, жирный

дым. Сквозь раскалённое железо решёток на окнах дым вырывался какими-то особенно тяжёлыми, чёрными клубками и, невысоко вздымаясь над пожаращем, садился на крыши, угарным туманом опускался в улицы.

Со мною рядом стоял человек дурной славы, домовладелец Капитон Сысоев, крепкий здоровяк, несмотря на его пятьдесят лет и распутную, пьяную жизнь.

На бритом, скуластом лице его глубоко в костлявых ямах спрятаны узкие, беспокойные глазки. Одет он неловко, небрежно, всё на нём как бы с чужих плеч, весь остро неприятен и, видимо, знает об этом, – он смотрит на людей вызывающе, с подчёркнутой наглостью.

А на пожар смотрел взглядом человека, для которого вся жизнь и всё в ней – только зрелище. Говорил цинично о «зажаренных» старушках и о том, что хорошо бы всех старушек сжечь. Но что-то беспокоило его, он поминутно совал руку в карман пальто, выдёргивал её оттуда, странно взмахивал ею и снова прятал, искоса поглядывая на людей. Потом в пальцах его явился маленький свёрток бумаги, аккуратно перевязанный чёрной ниткой, он несколько раз подбросил его на ладони и вдруг ловко метнул в огонь, через улицу.

– Что это бросили вы?

– Примета у меня есть одна, – ответил он, подмигнув мне, очень довольный, широко ухмыляясь.

– Какая?

– Ну нет, не скажу!

Недели через две я встретил его у адвоката Венского, кутилы, циника, но очень образованного человека; хозяин хорошо выпил и заснул на диване, а я, вспомнив о пожаре, уговорил Сысоева рассказать мне о его «примете». Прихлёбывая бенедиктин, разбавленный коньяком, – пошло, от которого уши Сысоева вспухли и окрасились в лиловый цвет, – он стал рассказывать в шутовском тоне, но скоро я заметил, что тон этот не очень удаётся ему.

– Я бросил в огонь ногти мои, остриженные ногти, – смешно? Я с девятнадцати лет сохраняю остриженные ногти мои, коплю их до пожара, а на пожаре бросаю в огонь. Заверну в бумажку вместе с ними три, четыре медных пятака и брошу. Зачем? Отсюда и начинается чепуха...

– Когда мне было девятнадцать лет, был я забит неудачами, влюблён в недосыгаемую женщину, сапоги у меня лопнули, денег – не было, заплатить университету за право учения – нечем, а посему увяз я в пессимизме и решил отравиться. Достал циан-кали, пошёл на Страстной бульвар, у меня там, за монастырём, любимая скамейка была, сижу и думаю: «Прощай, Москва, прощай, жизнь, чёрт бы вас взял!» И вдруг вижу: сидит рядом со мною эдакая толстая старуха, чёрная, со сросшимися бровями, ужасающая рожа! Вытаращила на меня глаза и – молчит, давит.

– «Что вам угодно?»

– «Дай-ко мне левую руку, студент», – так, знаете, повелительно требует, грубо...

Рассказчик посмотрел на храпевшего хозяина, оглянул комнату – особенно внимательно её тёмные углы – и продолжал тише, не делая усилий сохранить искусственно весёлый тон.

– Протянул я ей руку и – честное слово – почувствовал на коже тяжесть взгляда её выпуклых глаз. Долго она смотрела на ладонь мою и наконец говорит:

– «Осуждён ты жить» – так и сказала: «осуждён!» – «Осуждён ты жить долго и легко, хорошо».

– Я говорю ей: – «Не верю в эти штучки – предсказания, колдовство...»

– А она:

– «Потому, говорит, и уныло живёшь, потому и плохо тебе. А ты попробуй, поверь...»

– Спрашиваю, посмеиваясь:

– «Как же это можно – попробовать верить?»

– «А вот, говорит, остриги себе ногти и брось их в чужой огонь, но – смотри, – в чужой!»

– «Что значит – чужой огонь?»

– «Ну, говорит, как это не понять? Костёр горит на улице в морозный день, пожар, или сидишь в гостях, а там печь топится...»

– Потому ли, что умирать мне, в сущности, не хотелось, – ведь все мы умираем по нужде даже и тогда, когда нам кажется, что это решено нами свободно, – или же потому, что баба эта внушила мне какую-то смутную надежду, но само-

убийство я отложил, до времени. Пришёл домой, остриг ногти, завернул в бумажку, ну-ко, попробую колдовство?

– Не прошло недели, как утром вспыхнул пожар на Бронной, против дома, где я жил. Привязал я к ногтям моим старый гвоздь и швырнул их в огонь. «Ну, думаю, готово! Жертва принесена, – чем ответят мне боги?» Был у меня знакомый математик, он знаменито играл на бильярде и бил меня, как слепого. Предлагаю ему, чтоб испытать силу колдовства: «Сыграем?» Пренебрежительно спрашивает: «Сколько очков дать вперёд?» – «Ничего, ни нуля». Можете себе представить, что со мной было, когда я обыграл его! Помню – ноги дрожали от радости и точно меня живую водой sprysнуло. «Стой, думаю, в чём дело? Совпадение?»

– Иду к моей недостижимой даме, – а вдруг и у неё выиграю? Выиграл, и с такой необыкновенной лёгкостью, это испугало меня, да – так, что я даже сна лишился. Ещё одно совпадение? Живу между двух огней: между любовью, первой, жадной, и – страхом. По ночам вижу эту бабу: стоит где-нибудь в углу и требовательно смотрит на меня тяжёлым взглядом, молча двигает бровями. Сказал возлюбленной моей, а она была, как все актрисы, – а плохие особенно, – суверенна, разволновалась страшно, ахает и убеждает: стриги ногти, следи за пожарами! Я – стригу и обрезки храню, ни на минуту не забывая, что всё это глупо и что, может быть, вся штука в том, что, когда человек потерял веру в себя, ему необходимо запастись верой в какую-нибудь тёмную ерундищу. Но

соображение это не гасит тревоги моей. Накопил я обрезков ногтей порядочно, бросил в огонь, и – снова чертовщина: является ко мне лысенький человечек с портфелем. «У вас, говорит, в Нижнем Новгороде померла двоюродная тётка, девица, и вы единственный наследник её». Никогда ничего не слышал я о тётке и вообще родственниками был беден, так же, как они – деньгами. Да и было их всего двое: дед со стороны матери, в богадельне, да какой-то многодетный дядя, тюремный инспектор, которого я никогда не видал. Спрашиваю лысенького: «Вы не дьявол будете?» Обиделся: «Нет, говорит, я частный поверенный и тёти вашей старый друг». – «А может, говорю, вас старуха прислала?» – «Ну, да, говорит, конечно, старуха, ей пятьдесят семь лет было». Смотрю на него почти с ненавистью и предупреждаю: «Платить мне за труды ваши – нечем». – «Заплатите, когда я введу вас во владение имуществом». Чрезвычайно гнусный старичок, навязчивый такой, надутый и явно презирал меня. Привёз он меня сюда, и очутился я домовладельцем. Почему-то мне казалось, что получу я деревянный домик в три окна, пятьсот рублей деньгами и корову, но оказалось: два дома, магазины, склады, квартиранты и прочее. Богато. Но чувствую я себя неладно, управляет жизнью моей какая-то чужая, таинственная воля, и растёт у меня эдакое особенное отношение к Его Сиятельству – огню: отношение дикаря к существу, обладающему силою обрадовать и уничтожить. «Нет, думаю, чёрт меня возьми, этого я не хочу, нет!» И начал превращать бо-

гатства мои в дым и пепел: завертелся, как пёс на цепи, закутил. А ногти стригу, храню и на пожарах бросаю в «чужой огонь». Не могу точно сказать вам, зачем делал это и верил ли я в колдовство, но бабищу забыть не мог и не забыл до сего дня, хотя, надеюсь, она давно уже скончалась. Одолело меня эдакое жуткое любопытство – в чём дело? Университет бросил, живу скандально, чувствую в себе эдакую беспокойную дерзость, всячески испытываю терпение полиции, силу здоровья, благосклонность судьбы. И всё сходит мне с рук благополучно. Но вместе с этим кажется мне: вот кто-то придёт и скажет: «Пожалуйста!» Кто придёт, куда поведёт – не знаю, но – жду. Начал читать Сведенборга, Якова Беме, Дю-Преля – ерунда. Явная ерундища, даже обидно. А ночью проснусь и – жду. Чего? Вообще. Ведь если одна чертовщина возможна, почему же не быть другой, ещё хуже или ещё лучше? Решительно ничего не делаю в поощрение удач и удивляюсь: почему я не схожу с ума? Богатый холостяга, женщины любят, в карты играю до отвращения удачно. И даже среди друзей – ни одного негодяя, ни одного жулика, все пьяницы, но – порядочные люди. Так жил я до сорока лет, а в эти годы каждый мужчина должен пережить некий кризис, – будто бы это обязательная повинность. Жду кризиса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.